
М.А. Васильева

«И НАСЛАДИМСЯ ОБЩЕНИЕМ, ВЕЧНОСТЬЮ,
ВСЕМ, ЧТО НЕ УМИРАЕТ...»:
МАТЕРИАЛЫ ПРОТ. АЛЕКСАНДРА ШМЕМАНА
В АРХИВЕ ВЛАДИМИРА ВАРШАВСКОГО

Собрание скриптов «Основы русской культуры» протопресвитера Александра Шмемана, их присутствие в архиве В.С. Варшавского (ДРЗ. Ф. 54) проливают свет на отдельный сюжет в истории русской эмиграции, — дружбу священника отца Александра и писателя Владимира Варшавского. Выбранный Шмеманом жанр «беседы» на «Радио Свобода» — не статичный монолог, а диалог с гипотетическим *собеседником* — во многом объясняет и присутствие скриптов в архиве Варшавского, и ответный интерес писателя к радиоциклу друга, и характер их отношений. По воспоминаниям близких и друзей — Игоря Тихоновича Троянова и вдовы писателя Татьяны Георгиевны, — Шмеман и Варшавский были *собеседниками* в глубинном, философском понимании этого слова. Безусловно, скрипты оказались в руках писателя не случайно, он специально сделал для себя фотокопии, ему принадлежат и маргиналии на полях, размашистые подчеркивания наиболее важных для него фрагментов шмемановских бесед. Это мысли о максимализме русской культуры, о губительности утилитарного подхода к культуре с позиции «пользы», об организующей силе русской культуры даже в самые беспросветные времена. В 1972 г. Варшавский начинает вести дневник, а вскоре приступает к работе над новой, расширенной редакцией «Незамеченного поколения», — книги, вышедшей в Нью-Йорке еще в 1956 г. и получившей большой общественный резонанс¹. Идеи Шмемана, прозвучавшие в цикле «Основы русской культуры», постоянно каким-то краем пересекаются и с дневниковыми записями Варшавского, и с дополнениями, сделанными в новой редакции «Незамеченного поколения». В свою очередь, Шмеман в историко-культурологическом радиоцикле во многом совпадает с положениями книги «Незамеченное поколение» 56-го года, — это размышления о войне «славянофильства» и «западничества», об особом значении Пушкина для России, о таком явлении в самосознании XIX–XX вв., как «русские мальчики» Достоевского и т. д. Очевидно, что точек пересечения мыслей, интересов, исканий, взглядов на русскую историю и культуру у Шмемана и Варшавского было множество.

На полях беседы «Парадоксы русского культурного развития: Минимализм» Варшавский подчеркивает: «Славянофилы, во все новых и новых их воплощениях,

¹ О полемике вокруг книги В.С. Варшавского см.: *Варшавский В.С. Незамеченное поколение* / Предисл. О.А. Коростелева; сост., коммент. О.А. Коростелева, М.А. Васильевой; подгот. текста Т.Г. Варшавской, О.А. Коростелева, М.А. Васильевой; подгот. текста прилож., послесл. М.А. Васильевой. М., 2010. Особенно см. с. 315–404.

громят западников; западники все еще неспособны услышать и понять славянофилов. И это потому, что “максимализм”, еще неотъемлемый от русского самосознания, все еще, как догму, принимает примат “политики” над культурой, — и оказывается по существу неспособным к культуре, то есть неспособным к тому, чтобы в совокупности исканий и достижений, в духовном мире, созидаемом каждой нацией, увидеть единственный возможный критерий, а также и содержание “политики”. Если бы русской культуры не было, как давно осуществленного и реального мира, обо всем этом можно было бы не говорить. Но она есть, и именно она составляет сердцевину, лучшую и неуничтожаемую сущность России. Вот почему, не преодолев своего культурного и максимализма, и минимализма, по существу дальше двигаться невозможно». И снова перекрестье мыслей Варшавского и Шмемана, и снова перед нами глубинный диалог, принявший форму помет на полях текста близкого друга и выдающегося собеседника. Этот *диалог-дружба* имеет долгую предысторию, на которой хотелось бы остановиться отдельно.

История отношений двух представителей младшего поколения эмиграции первой волны Владимира Сергеевича Варшавского (1906–1978) и протопресвитера Александра Шмемана (1921–1983) берет начало в 1951 г. Судя по одному из писем отца Александра, первое их знакомство произошло в Кламаре, где Шмеман в 1946–1951 гг. был помощником настоятеля храма Святых равноапостольных Константина и Елены². Однако настоящая дружба началась уже в Америке. В силу обстоятельств духовное сближение двух русских парижан произошло в Нью-Йорке. В 1930-е гг. парижская встреча не могла состояться из-за большой разницы в возрасте. В военные годы, когда Шмеман был студентом Свято-Сергиевского православного богословского института (1940–1945), Варшавский покинул Париж для участия в «странной войне» на стороне французской армии. В 1940-м он попал в немецкий плен, где находился до конца войны. Вернувшись из плена, Варшавский сильно нуждался, возможность реализовать себя как писателя в послевоенном Париже была сведена почти к нулю: исчезли прежние периодические эмигрантские издания и литературные объединения, навсегда исчезла атмосфера русского Монпарнаса. Предчувствие холодной войны и возможного «советского плена»³ окончательно повлияли на его решение уехать в США. 12 марта 1951 г. он прибыл в Нью-Йорк и вскоре устроился на работу курьером в ООН.

Отъезд отца Александра также падает на 1951 г. Во многом это было продиктовано переездом в США прот. Георгия Флоровского, под началом которого Шмеман начал преподавать в Свято-Владимирской духовной семинарии в Нью-Йорке, где сперва был доцентом по кафедре церковной истории и литургике, а с 1960 г. — про-

² См.: Прот. Александр Шмеман — Т.Г. Варшавской, 17 марта 1978 (датируется по штемпелю отправителя) // ДРЗ. Ф. 54.

³ Решающую роль здесь сыграла трагическая судьба отца, известного юриста Сергея Ивановича Варшавского (1879–1945?); в мае 1945 г. он был арестован в Праге Смершем и депортирован в СССР; точных документальных свидетельств о дальнейшей судьбе С.И. Варшавского в Центральном архиве ФСБ России обнаружить не удалось. О причинах, вынудивших Владимира Варшавского уехать в Америку, см. также: *Хазан В.* «Семь лет»: История создания [вступ. ст. к публ.: Переписка Варшавского с Гринбергом] // Новый журнал. 2010. № 258. С. 177–190.

фессором по кафедре литургического богословия. Идейное сближение Варшавского и Шмемана совпало с их работой на радиостанции «Освобождение» (позже — «Радио Свобода»), начавшей свое вещание в 1953 г. Владимир Варшавский и прот. Александр Шмеман дополнили ряды ее первых внештатных сотрудников, во многом определивших лицо радиостанции, отец Александр начал вести передачи уже с марта 1953 г.⁴, Варшавский пришел на «Освобождение» в качестве «консультанта и скриптрайтера» в апреле 1954-го⁵. Как многолетний сотрудник, Варшавский вел многочисленные циклы

*Владимир Варшавский и прот. Александр Шмеман
у Женевского озера. Август 1973.*

*Личный архив Т.Г. Варшавской (Ферней-Вольтер, Франция).
Публикуется впервые*

радиопередач под псевдонимом Норов⁶ («Современная мысль», «Новые вехи», «Годы шестидесятые», «Культура и свобода», «Книжная полка», «Заметки читателя» и др.). Эта часть его творческого наследия представляет немалый интерес для современного исследователя и читателя и конечно со временем будет опубликована. Большую роль в формировании интеллектуального облика «Радио Свобода» и — шире — в осмыслении христианской культуры и православия сыграл своими радиобеседами Александр Шмеман. Сергей Александрович Шмеман так писал об отце: «Его передачи никогда не были, да и не могли быть “пропагандой”. То были в буквальном смысле беседы с русским человеком, изголодавшимся по духовной пище, и одновременно беседами с самим собой. Он говорил о вечных вопросах и великих истинах, о литературе и культуре, о надежде, но прежде всего, конечно же, о красоте и истинности православной веры. Говорил словами, понятными всем, ибо верил в то, что говорил»⁷.

⁴ За предоставленную информацию выражаю признательность Сергею Александровичу Шмеману.

⁵ Эта информация содержится, в частности, в черновике заявления В.С. Варшавского о подаче прошения о натурализации в Министерство юстиции Соединенных Штатов от 5 мая 1956 г. См.: Alien registration: Vladimir Varsavsky, № A7976352. Application to file petition for naturalization. United States Department of Justice. // ДРЗ. Ф. 54.

⁶ Владимир Варшавский использовал фамилию своей матери Ольги Петровны Норовой (1875–1961).

⁷ Шмеман С.А. О беседах о. Александра Шмемана на Радио «Свобода» // Шмеман А.Д., прот. Беседы на Радио «Свобода»: В 2 т. М., 2009. Т. 1. С. VI.

В американский период отношения Шмемана и Варшавского, конечно, не исчерпывались совместной работой на «Радио Свобода». Их объединяло сотрудничество в наиболее заметных эмигрантских периодических изданиях в США («Новое русское слово», «Новый журнал», «Опыты»), участие в литературных встречах русской эмиграции, в том числе в литературных собраниях у Романа Николаевича Гринберга, редактора журнала «Опыты» и альманаха «Воздушные пути»⁸. Во время обсуждения книги «Незамеченное поколение», организованного в 1956 г. обществом взаимопомощи «Надежда», отец Александр — один из основных выступающих⁹ — в своей речи говорит «об участии в историческом “делании”, о христианском происхождении и сущности тех ценностей, что защищались и провозглашались как бы наперекор историческому христианству. Это — свобода и ценность личности и общество, построенное на таком понимании личности»¹⁰. Его выступление, посвященное книге Варшавского, снова отсылает нас к «Основам русской культуры».

По воспоминаниям Татьяны Георгиевны, вдовы писателя, к концу 1950-х гг. отец Александр — близкий друг и частый гость их дома. Свято-Владимирская духовная семинария, где преподавал и проживал Шмеман (West 123 Street), находилась не так далеко от дома Варшавских, проживавших также на Манхэттене (153 East 54 Street), в одном из зданий под снос, настолько ветхом, что Шмеман в шутку сравнивал его с декорациями к фильму «Преступление и наказание». В начале 1960-х Шмеман принял горячее участие в судьбе Роланда Томлина, мальчика из неблагополучной семьи, которого спасла чета Варшавских, взяв на воспитание. В 1967-м Варшавские уехали в Мюнхен, где Владимир Сергеевич проработал как постоянный сотрудник русской службы «Радио Свобода» до 1972 г. Отец Александр Шмеман, оставшись в США, продолжил работу в нью-йоркском бюро радиостанции. В 1962 г. он принял пост декана Свято-Владимирской семинарии, который занимал вплоть до 1983 г.

С отъездом Варшавского диалог не прерывается, выливаясь в форму переписки и долгожданных, хотя и редких встреч во время приезда отца Александра в Европу. Собираясь в Париж, Шмеман пишет Варшавским: «Прежде всего хочу сообщить Вам, что мы с женой¹¹ приезжаем в Париж на Западное Рождество. Будем в Париже, если все будет благополучно, 20 дек<абря> и останемся до 2 января. Конечно, возникла мечта о свидании с Вами. Не выберетесь ли Вы в Париж for a couple of days¹² — на хороший ужин с Физом¹³ и Адамовичем? А? Как было бы хорошо.

⁸ Об одном из таких выступлений читаем в письме Г.В. Адамовича В.С. Варшавскому от 5 марта 1955 г.: «Получил письмо от Иваска, пишет, что Вы на собрании “Опытов” произнесли замечательную речь (а также о. Шмеман)» («Я с Вами привык к переписке идеологической...»: Письма Г.В. Адамовича В.С. Варшавскому (1951–1972) / Предисл., подгот. текста и коммент. О.А. Коростелева // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2010. М., 2010. С. 288.

⁹ Симпозиум, посвященный книге В.С. Варшавского «Незамеченное поколение», состоялся в помещении нью-йоркского «Клуб Хауз» (New York, 150 West 85 Street) 9 марта 1956 г. (см. об этом: *Троцкий И.М.* «Незамеченное поколение» // Новое русское слово. 1956. 16 марта. № 15602. С. 7).

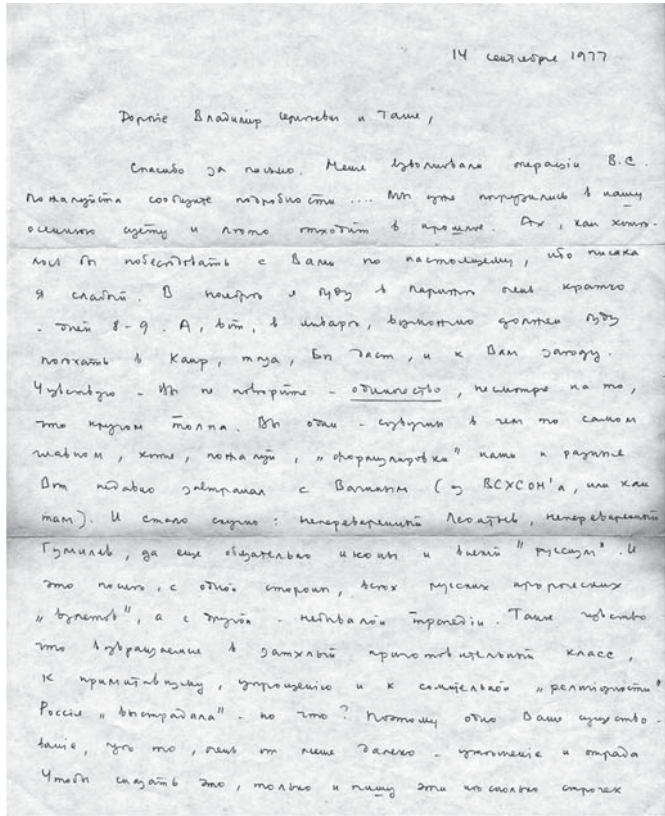
¹⁰ Там же.

¹¹ Ульяна Сергеевна Шмеман, урожденная Осоргина (р. 1923).

¹² в течение нескольких дней (англ.).

¹³ Физ Борис Юльевич (1904–1978) — инженер, редактор «УМСА-Press», член РСХД, коллекционер работ постимпрессионистов. В 1972–1974 гг. Варшавские жили у Физа в Париже перед тем, как обосноваться в Швейцарии.

Жизнь такая короткая, друзей так мало, и ими нужно так дорожить... Подумайте и сделайте усилие». И снова, в том же письме: «Дорогие друзья, чем читать мои послания, приезжайте-ка в милый декабрьский Париж. <...> И насладимся общением, вечностью, всем, что не умирает, ибо есть жизнь»¹⁴. В его же дневниках находим запись от 22 апреля 1975 г.: «В четверг 17-го — breakfast с Варшавскими и, как всегда, радость от встречи с В.С.»¹⁵ Письма Шмемана к Варшавскому проникнуты душевной установкой на абсолютное взаимопонимание при возможных спорах и несогласиях, на беседу высокого уровня, которая уже давно состоялась, и каждое письмо — ее логическое продолжение. Это был разговор, который вела некогда молодая эмиграция, — о самом главном, в духе исчезнувшего межвоенного русского Парижа. Шмеман точно «считывал» философское усилие русского Монпарнаса, идейные и эстетические искания «парижской ноты» Георгия Адамовича, феномен «незамеченного поколения». «...Париж 30-х годов — меня всегда

Письмо прот. Александра Шмемана Владимиру Варшавскому. 14 сентября 1977. ДРЗ. Ф. 54.

¹⁴ Прот. Александр Шмеман — В.С. и Т.Г. Варшавским, 10 декабря 1970 // ДРЗ. Ф. 54.

¹⁵ Шмеман А., прот. Дневники. 1973–1983 / Сост., подгот. текста У.С. Шмеман, Н.А. Струве, Е.Ю. Дорман; предисл. С.А. Шмемана; примеч. Е.Ю. Дорман. М., 2005. С. 178.

интересует», — заметит он в «Дневниках»¹⁶. Его письма к Варшавскому свидетельствуют, что несостоявшаяся когда-то «монпарнасская встреча» с писателем состоялась при других обстоятельствах места и времени. Так, в продолжение спора о «самом главном», о назначении демократии и ее возможных метаморфозах, отец Александр пишет Варшавскому: «Да, конечно, демократия (“поиздержавшись в дороге”) требует внутреннего очищения и обновления (солженицынский “нравственный этаж”¹⁷). Поэтому, одновременно с защитой и проповедью демократии, нужно выяснить тот замысел о человеке, который демократией предполагается и без которого и она сама может стать — и, увы, становится “спекуляцией на понижение”. Согласны? Напишите обязательно. Ибо вы — лучший мой друг и общение с Вами, пускай, увы, и редкое — для меня необходимо»¹⁸.

Писем Шмемана к Варшавскому, переданных в Дом русского зарубежья вдовой писателя, немного. В общем счете фонд содержит всего семь писем, из них четыре адресованы чете Варшавских и три — «посмертных», написанных к вдове Татьяне Георгиевне. Вполне возможно, их было больше и часть писем не сохранилась. Однако сам Шмеман после смерти Варшавского с горечью писал в дневнике: «Вот и видались мы с ним, после его отъезда в Европу, раз в два года и почти не переписывались, а смерть его я ощущаю как действительную утрату» (запись от 27 февраля 1978 г.)¹⁹. Между тем при небольшом объеме этого эпистолярия необычайная доверительность интонации и содержательная насыщенность делают его бесценным документом, запечатлевшим развитие или зарождение мыслей Шмемана, продолжение его дружбы с Варшавским и ряд ярких свидетельств о жизни русской эмиграции. В письмах к Варшавскому отец Александр рассуждает об Андрее Синявском и Владимире Максимове, о Романе Якобсоне и Владимире Набокове, об Игоре Чиннове и Нине Берберовой, о Романе Гуле и Александре Солженицыне, о периодике русской эмиграции и самиздате в Советском Союзе. В этом контексте слова, написанные в адрес самого Владимира Варшавского, кажутся весьма символическими, как и горячее желание Шмемана посодействовать изданию романа «Ожидание»²⁰. В связи с этим отец Александр пишет другу: «Ужасно нужно, чтобы книга вышла. После этого, по-моему, эмиграция может сматывать свои удочки. Вы — Пруст этого канувшего в вечность мира — это я вам еще в 1952 году говорил. Ваша книга — “онтологический эпилог”. По своей положительной части она уже обращена не к эмиграции, за отсутствием последней, а к России, где какие-то новые “мальчишки” могут ее услышать. Я жду ее выхода, чтобы все это написать о ней и по ее поводу. Она должна выйти, т<ак> ск<азать>, мистически, ибо она есть и плод, и итог, и “претворение”...»²¹ Когда «Ожидание» вышло в свет, отец Александр в силу крайней занятости не нашел времени для обстоятельной рецензии. На фоне несостоявшейся рецензии Шмемана в «Новом журнале» вышел довольно поверхностный отзыв

¹⁶ Шмеман А., прот. Дневники. 1973–1983. С. 214.

¹⁷ В дневниках Шмеман заметит (запись от 22 мая 1974 г.): «И опять, мне кажется, прав Солженицын: свобода без нравственного этажа — сама себя разлагает» (Там же. С. 97).

¹⁸ Прот. Александр Шмеман — В.С. и Т.Г. Варшавским, 13 августа 1974 // ДРЗ. Ф. 54.

¹⁹ Шмеман А., прот. Дневники. 1973–1983. С. 419.

²⁰ Варшавский В. Ожидание. Париж: YMCA-Press, 1972.

²¹ Прот. Александр Шмеман — В.С. и Т.Г. Варшавским, 10 декабря 1970 // ДРЗ. Ф. 54.

Юрия Иваска²². Владимир Варшавский, всегда писавший трудно и тяжело, всегда сомневавшийся в своем писательском мастерстве, отметит в дневнике: «Как<ое> же я имею право тосковать оттого, что у меня нет таланта, и оттого, что я не получил признания, оттого, что *И.* написал плохую рецензию, а *А.* не написал совсем, хотя все обещает» (запись от 6 февраля 1973 г.)²³.

О романе «Ожидание» Шмеман напишет после смерти друга, в некрологе с символическим названием «Ожидание: Памяти Владимира Сергеевича Варшавского», который, по сути, станет одной из самых глубоких аналитических статей, посвященных творчеству писателя. Работая над ней, он заметит в письме к вдове: «Все эти недели, прошедшие со смерти В.С. (все звучит у меня в голове последняя моя с ним беседа — перед госпиталем) — медленно, с любовью перелистывал его книги, вслушиваясь, вдумываясь, вживаясь в них в свете его смерти, его ухода от нас... Вы знаете — я плохой писака писем, мы так мало переписывались, ни на что никогда — в моей жизни — не было и нет времени. Но вот всегда я чувствовал В.С. как друга, настоящего друга, м. б. даже единственного, если не считать двух, трех людей, с которыми связано детство. Со дня нашей первой встречи — в 51–52–? — году в Клараре так ясно стало, что он вошел в мою жизнь, и так мне всегда было с ним радостно, легко, светло, я скажу не преувеличивая — празднично. И праздник этот был от его души, совсем особенной по исходившему от нее сиянию: доверия, веры в добро (это звучит наивно, но он действительно верил в добро!), готовности радоваться этому добру, откуда бы оно ни приходило. Я пишу — но не газетную, а, по возможности, настоящую статью о нем, пишу неизбежно медленно, но это для меня и радость, ибо как бы живу с ним. <...>. Я уверен, и об этом то, что я пишу, — что В<ладимиру> С<ергееви>чу предстоит прорасти в русском сознании, в котором сейчас все заглушено криком, вульгарностью и болтовней»²⁴.

В дневнике в эти же дни Шмеман запишет: «...у меня, в сущности, очень мало друзей, а В.С. был, несомненно, другом, то есть кем-то, кто действительно стал частью моей жизни. <...> Перечитывал “Ожидание”, думал: это удивительно хорошая книга с “лица необщим выраженьем”, но как это показать и доказать?»²⁵ Дневники фиксируют этапы работы над статьей, очерчивают ее задание. Замысел статьи о Варшавском поражает глубиной постановки вопроса. «Если литература — как бы говорит Варшавский своим *ожиданием*, да, в сущности, всем своим творчеством — только “слог и воображение”, только “действие и развязка”, или, иначе, только “блеск”, тогда, да, записи эти (работа Варшавского над романом «Ожидание». — М.В.) — не литература и их, действительно, “не выдать за литературное произведение”. Но что, если она прежде всего и превыше всего — мучительный, сизифов подвиг воплощения до конца никогда не воплотимой, всегда ускользающей, всегда неуловимой и, однако же, как воздух, как хлеб, необходимой правды, которую, потому что она не об “идеях”, а о самой жизни, сама жизнь,

²² Иваск Ю. [Рец. на «Ожидание»] // Новый журнал. 1972. № 109. С. 300–302.

²³ Варшавский В. Ионафан: Дневник // ДРЗ. Ф. 54.

²⁴ Прот. Александр Шмеман — Т.Г. Варшавской, 17 марта 1978 // ДРЗ. Ф. 54.

²⁵ Шмеман А., прот. Дневники. 1973–1983. С. 419. (Запись от 27 февраля 1978 г.)

проявить дано и заповедано только искусству? Что, если она — все тот же рыцарский подвиг верности, в котором искание слов неотделимо от усилия совести, в котором писатель верностью своей жизни отвечает за верность слов? Вопросами этими все главное о «стиле Варшавского», в сущности, сказано»²⁶. Отсюда у Шмемана сравнение Варшавского с Толстым («нравственная забота о “правдивости”») и Прустом («острое чувство времени, поиски его “воскресения”»²⁷). Отсюда же противопоставление Варшавского Владимиру Набокову²⁸.

Вопросы, поставленные Шмеманом, — о тайне «искания слов», неотделимой в литературе от «замысла о человеке», — часть масштабного спора, который вела философия XX в. о назначении культуры и творчества, о соотношении умозрительной игры и усмотрения смысла, о сущности сознания и опыта. Некролог ясно дает понять — что объединяло Шмемана и Варшавского: отторжение от агрессивных рациональных конструкций (будь то философия, религия или творчество), включенность в жизненный мир, глубоко связанная с обращением к «открытию евангельского утверждения об абсолютной ценности человеческой личности»²⁹. Статья, написанная в память о друге, снова обращает нас к беседе о «самом главном», которая объединила в начале 1950-х Варшавского и Шмемана.

Запись в дневниках отца Александра: «Звонок на днях от Иваска. “Может быть, это нехорошо — так говорить, но мне кажется, что Варшавский жил только для Вашего некролога...” — “Однако, — говорю я ему, — и некролога ведь не было бы, не живи Варшавский и не будь тем, чем он был...”»³⁰

²⁶ Шмеман А., *прот.* Ожидание: Памяти Владимира Сергеевича Варшавского // Континент. 1978. № 18. С. 269.

²⁷ *Он же.* Дневники. 1973–1983. С. 425. (Запись от 12 апреля 1978 г.)

²⁸ В контексте суждений Шмемана о творчестве Набокова представляется интересным следующий пассаж из его письма к Варшавским: «Умер Набоков! Явление, в сущности, трагическое и символическое в русской культуре. Я его чувствую как человека, почти *сознательно* (от “самости”, от гордыни) избравшего *другое*, не то, на что дан был ему его изумительный талант. Как в раю. С Адамом. Бог подарил ему мир, сделал его царем, а ему показалось интереснее то, что ему предложил дьявол. В сущности, “похихикать” над Богом... Конечно, остается грусть об “ином”, пронизывающая это хихиканье» (Прот. Александр Шмеман — В.С. и Т.Г. Варшавским, 17 августа 1977 // ДРЗ. Ф. 54).

²⁹ *Варшавский В.С.* Незамеченное поколение. С. 188.

Варшавский проводит в «Незамеченном поколении» это утверждение не раз, обращаясь также и к работам о. Александра Шмемана (с. 141): «Понадобились столетия, чтобы то новое понимание личности, которое всеми своими корнями вырастает из Евангелия, проросло постепенно и в новое понимание государства, ограничило его неотъемлемыми правами этой личности. Мы знаем теперь, сколь мучительным оказался этот процесс, знаем, увы, и то, что сами христиане далеко не всегда были в нем носителями именно христианской, евангельской истины. Не состоит ли трагедия новой истории прежде всего в том, что самая христианская из всех идей нашего мира, идея абсолютной ценности человеческой личности, исторически оказалась выдвинутой и защищаемой против церковного общества, роковым символом борьбы против Церкви? А случилось это как раз потому, что с самого начала сознание христиан заворожено было обращением Константина: оно-то и помешало Церкви пересмотреть в евангельском свете теократический абсолютизм античной государственности, а, напротив, его самого слишком надолго сделала неотъемлемой частью христианского восприятия мира» (цит. по: Шмеман А., *прот.* Исторический путь православия. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1954. С. 104–105).

³⁰ Шмеман А., *прот.* Дневники. 1973–1983. С. 475. (Запись от 28 сентября 1979 г.)